

ВЕРА КАТША

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Вера Викторовна Камша
Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть пятая
Серия ««Отблески Этерны» (Сериал
Этерна)», книга 15

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41560679*

*Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть пятая: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-099928-6*

Аннотация

Когда на голове плешь – надевают шляпу. Когда страна дыбом – изображают, что всё прекрасно. Тем более что вот она, передышка в войнах. И в спешно подновлённом дворце ядовитым цветком распускается «добрый старый двор». И растящие этот цветок точно знают, как должен выглядеть мир – в обоих смыслах этого слова. Но почему так душно тем, кто вдосталь надышался пороховой гарью? И зачем в Старую Придду сползаются отсидевшиеся в тяжёлые времена в тылу, а ведь сползаются! Лезут вверх, шагают по подвернувшимся ступенькам, не особо приглядываясь, а не послужила ли таковой чья-нибудь голова? Можно, конечно, подловить наиболее прыткого мерзавца и вынудить его на дуэль, но что это изменит? Ничего! И будет

звучать древний танец Кальтарин, и будут, как в механической шкатулке, совершать подходящие па раззолоченные фигурки, и будет, цепenea от скуки, бубнить затверженные слова Его малолетнее Величество... Правда, сегодня у короля радость, ему подарили чудо... Правда, иная фигурка может и взбрыкнуть... Правда, в мелодию Кальтарина может ворваться совсем другая музыка... Но Двор расцветает и крепнет, а Рокэ Алва, Регент и Первый маршал, молчит и вдруг срывается неизвестно куда, оставив распоряжение, подозрительно похожее на завещание. А у Кольца Эрнани планы Лионеля Савиньяка почти срывает непонятная буря. Непонятная ли? И сможет ли маршал Ли совладать с этим... Зверем?!

Содержание

XVI. «Влюбленные»[1]	8
Глава 1	9
1	9
2	14
3	20
Глава 2	28
1	28
2	32
3	35
Глава 3	48
1	48
2	55
3	59
4	63
Глава 4	68
1	68
2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Вера Викторовна Камша

Синий взгляд Смерти.

Рассвет. Часть пятая

*На Изломе зимы повстречаем рассвет.
Скоро скалы оденутся льдом.
Этим утром давай отрешимся от бед
И куда-то зачем-то придем.
Будет год, будет день; будет да, будет нет;
Будет счастье сидеть за столом.
Будет что впереди? То ли тьма, то ли свет...
Но не бойся: все это – Излом.*

*На Изломе весны все рождается вновь.
Веет ветер. И кажется сном,
Что кончается жизнь, проливается кровь
И что полдень совсем ни при чем.
Чтить ли и ожидать? И при чем тут любовь?
Мы не гордые, мы подождем.
Сомневайся, надейся и не прекословь!
Что бояться? Ведь это – Излом.*

*Ну а летний Излом согревает волну.
Слышишь – песни и плач ни о чем?
Не уйти в облака, не нырнуть в глубину —
Все глубины кончаются дном.
Недалёко закат. Оборвали струну...
Ну и орстон! Аминь. Мэрстон!
Пусть никто никогда не признает вину,
Не боимся. Все это – Излом.*

*Вот осенний Излом. Вот уж полночь близка.
Молний блеск в темноте, шквал и гром.
Ненадолго! На месяцы и на века —
Но не дольше. Закройся дождем.
У кого-то, возможно, судьба высока,
Ну а мы проживаем и врем...
Ветер бьется о скалы. Река глубока.
Отсвет молний. И это – Излом.*

*Простите. Север, юг, восток и запад
Перемешались, аж не расплести.
Какие у Этерны там пути —
Не знаю. «Ночь идет на мягких лапах».*

Юрий Гиренко

*Те, кто в самом деле не думает, ибо не способен,
вечно намекают на глубины своих размышлений.
Рокэ, герцог Алва, собрано Кэналлоа, регент Талига*

*Страх ошибки, чужой боли, греха или того, что
названо таковым, ведет в Закат столь же верно,
сколь и равнодушие.
Странствующий епископ ордена Славы Луциан*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Камша В.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

XVI. «Влюбленные»¹

Было бы невозможно предотвратить крах королевской власти, если бы мы шли на поводу у тех, чье невежество по части практического руководства государством сравнимо с их высоким мнением о себе как о знатоках теории государственного управления, тогда как они не способны ни на глубокие мысли по поводу политики государств, ни на суждения о происходящих в обществе процессах, каковые недоступны их пониманию.

Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье

¹ Высший аркан Таро «Влюбленные»/«Два пути» (L'Amoureux). Карта указывает на грядущий выбор из нескольких взаимоисключающих вариантов (чаще всего между чувствами и разумом) и предупреждает о возможности серьезной ошибки, одновременно являясь символом вдохновения и догадок. В сильной позиции означает эмоциональную свободу, пренебрежение последствиями поступков, продиктованных эмоциями. Еще одним значением карты может быть любовь и/или дружба вплоть до появления будущей «половинки». ПК: Внутреннее раздвоение, конфликт с собой, неправильный выбор и/или его последствия. Может предупреждать об ошибках, разлуке и расстройстве планов (в первую очередь матримониальных и любовных). Также обозначает отказ от выбора, что ведет к утрате инициативы и возможности овладеть ситуацией.

Глава 1

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 4-5-й день Зимних Ветров

1

Большой Руди решил наконец выспаться, – Руди Мелкий потянулся и глянул на высящиеся в углу часы. – Часа два, как ушел, так что сдаю тебе ночь и зиму. Зима холодная, вьюшки закрыты, на небе – месяц. Властвуй, а мы спатиньки.

– Счастливо выспаться, – откликнулся Давенпорт, подходя к окну. Худеющая луна зацепилась за левый флюгер, рядом мерцало несколько крупных звезд. Всадница или Паук? Моряк бы сразу сказал, это на суше звезды нужны разве что астрологам и для красоты.

Ночь выдалась дивная, и Чарльз любовался синими тенями, пока по дворам не прошел полуночный патруль. Теперь до утра в Старой Придде одна власть – капитан Давенпорт. Чарльз еще раз глянул на вверенную его заботам луну, открыл и закрыл дверь в темный кабинет, после чего перебрался в примыкавшую к приемной комнатку без окон, куда как-то умудрились втиснуть стол, пару стульев и узкую кушетку.

Ноймаринен не считал, что дежурные адъютанты обяза-

ны тарашиться во тьму – не коты. Их дело оказаться на месте, когда случится нечто важное, только важного больше не ожидалось: всё или почти всё уже произошло, оставалось встряхнуться и начать жить дальше. С новым Кругом, новым королем и временной столицей, хотя сам Чарльз сто раз бы подумал, прежде чем возвращаться в Олларию и тем более тащить туда детей. Хватит того, что Карла с сестрой привезли в Старую Придду. Показать верным, чтоб их, подданным! Эту верность капитан Давенпорт видел во время ареста Фердинанда, до смерти хватит. Адьютанты герцога вцепились в предложение нового товарища до конца праздников взять ночные дежурства на себя. Обормоты не представляли, насколько «знаменитому Давенпорту» тошно от своей славы и оживающего двора. За возвращение в армию капитан отдал бы все, кроме Мелхен. За возможность съездить в Акону – полжизни и еще четверть – за Большого Руди, снявшего регентскую цепь, но продолжавшего волочь на себе то, до чего у Алвы не доходили, да и не могли дойти руки. По сути Ноймарский Волк оставался регентом, а Кэналлийский Ворон – Первым маршалом, и это было правильно. Неправильной была тревога за болтающегося по Западной Придде Савиньяка.

Накрытый льняным полотенцем свежий пирог напомнил о себе ароматом печеных яблок и еще чего-то пряно-горького, Мелхен бы сказала точно. Девушка не любит роз и комплиментов, но редкие на севере специи примет, благо в Ста-

рую Придду торговцы сейчас просто ринулись. Самое время добыть то, чего нет в Аконе, а после праздников – попросить отпуск для устройства семейных дел. В Давенпорт съездить придется на самом деле – собрать родню и соседей, выслушать кучу обязательных глупостей... Впрочем, неизбежные на родительских поминках разговоры о свадьбах не столь уж и нелепы. Чарльз не собирался тянуть, дело было за невестой, а ее стерегли то Юлиана со съеденными сто лет назад пирожками, то подружка со своим котом.

От Селины Давенпорта трясло, однако появления Мелхен в Старой Придде, где вокруг красавицы неминуемо соберется стая поклонников, капитан не хотел. Уж лучше девица Арамона! Эта разгонит всех, только вечно сидеть в Аконе девушки не будут, вдова родит и возьмется за приемную дочь. Присмотрит бергера поздоровей, и начнется... Мелхен спорить с матушкой не станет, Селина тут не помощник, а вот герцогиня Ноймаринен повлиять на баронессу Вейзель в состоянии.

Первым просить супругу Рудольфа о помощи Чарльз бы не стал, но та заговорила о Мелхен сама. Удивляться не приходилось: он своих чувств не скрывал, а тот же Бертольд по части болтовни обставит дюжину вдов. Кто-то услышал, кто-то пересказал... Покойного артиллериста армия ценила, как же не разболтать, что «тот самый Давенпорт» по уши влюбился в дочку Вейзелей? Да, влюбился! В Мелхен не влюбиться невозможно.

Почему и на кого он разозлился, Чарльз не понял, но отчего-то выскочил в приемную и, желая себя хоть чем-нибудь занять, принялся зажигать свечи. Оказалось, кстати. Не прошло и пяти минут, как в дверь забарабанили, и красномордый сержант доложил о прибытии Первого маршала, то есть регента. Чарльз глянул на часы – четверть второго. Ну очень спокойная ночь!

– Только, – хриплым басом проревел вестник, – сказано, чтоб никого, кроме дежурного, не будить. Ибо... без... бес-такно!

Давенпорт кивнул, Ворон был верен себе: объявился, выиграл сражение и куда-то умчался, пообещав успеть к празднику. Само собой, его ждали послезавтра к вечеру, а он нагрнул двумя днями раньше. Тактично.

– Идем.

Дорога оказалась недолгой – до парадной лестницы.

– Вот они, – объяснил сержант и отступил, давая дорогу начальству, начальство же чудом не ругнулось и потопало вниз, где в свете факелов о чем-то беседовали двое в бергерских шубах. Понять, который из них Ворон, в полутьме не выходило.

На последней ступеньке Чарльз слегка задержался, мысленно себя обругал и, вздернув, как на параде, подбородок, направился к гостям. Слышимость в здешних залах и переходах, особенно по ночам, была невероятной, возводившему дворец архитектору надо было строить церкви. С органами.

Грохало, будто в вестибюль ввалилась дюжина статуй, а не дежурный офицер с сержантом, но Алва со спутником даже головы не повернули. В ту ночь он тоже не оборачивался.

Давенпорт шагал по внезапно ставшим скользкими плитам и пытался унять разогнавшееся сердце, а из памяти, будто из окон, тянуло дымом и раздавался колокольный звон. Октавианские праздники, будь они четырежды прокляты вместе с Килеаном и Мореном! Ну и что, что оба сдохли? Последнего суда всем ждать, вот и пусть Леворукий их жарит!

– Рграв!

Резкий звук заставил Чарльза вздрогнуть прежде, чем он сообразил, что рядом залаяла собака. Затем капитан разглядел и самого пса: крупный светлый силуэт у ног ближайшего из гостей. Алвы!

– Судьба все-таки есть, – усмехнулся Ворон, – но воображения у нее никакого.

– Господин регент, – все, что пришло в голову Чарльзу, это щелкнуть каблуками. – Дежурный адъютант Проэмперадора капитан Давенпорт. Герцог Ноймаринен отдыхает.

– В отдыхе, как мне говорили, нуждаются все, – одобрил регент, – и лишь Создатель бодрствует денно и нощно, хотя в последнее верится с трудом. Марсель, у тебя нет желания слегка смягчить неловкость встречи? У Готти как-то не вышло.

– Это будет непросто, – бергер в светлой шубе подхватил

Чарльза под руку и оказался виконтом Валме. – Готти не виноват. Он не знает всех обстоятельств, как и я, к слову сказать.

– Капитан дежурил в Октавианскую ночь, – объяснил Алва, придерживая своего пса. – Идиллическое было время.

– Где идиллическое? – не понял Валме. – В Олларии?

– Везде, – Ворон чему-то усмехнулся. – Симпатичные войны, уютные заговоры, приятные покушения... Адьютантская щель возле приемной цела?

– Да, монсеньор.

– Я переночую там, а виконта, раз уж вы с ним ладите, заберите и накормите. Можете выпить, с дежурства я вас снимаю.

2

В одной лесной деревне жил Пес. Хозяином его был Пастух, и в юности Псу не раз приходилось вступать в бой с волками, однако со временем хищники узнали остроту собачьих клыков и стали охотиться в других местах. Овцы мирно паслись на берегу реки, а Пес приглядывал за бесполовыми ягнятами, которые могли свалиться в воду, да слушал жаворонков. Его счастье омрачали лишь блохи, приставшие к бедняге на последней ярмарке. Пес не понимал, почему у него стала чесаться шея, это было очень неприятно, но приходилось терпеть. Приходилось терпеть и бло-

хам, которых решительно не устраивало их нынешнее положение: Пес им не нравился, к тому же у него была невкусная кровь.

– Что может быть горше, чем оказаться привязанным к никчемной твари? – сетовали блохи. – Разве это жизнь? Это прозябание.

– Мне кажется, я скоро провоняю овцами, – вздыхала Изысканная блоха.

– А меня покинет вдохновение, – вторила ей Поэтичная.

– Но здесь не так уж и плохо, – робко возражала Хромая.

– Для уродов, – огрызалась Грубая.

– Мне страшно за наших детей, – беспокоилась Чадолобивая. – Бедняжки всю жизнь проведут в этой мерзости.

– Хуже того, – пророчила Мрачная, – та же участь ждет и следующие поколения.

– И в этом виновата моя мамочка, – жаловалась Самая Красивая. – Зачем, ну зачем она бежала в эту мерзкую глушь? Ее это устраивает, но я рождена для другого!

– Все рождены! – обижалась Справедливая.

– Нужно бежать, – предлагала Решительная.

– Нужно!

– Хотя бы ради наших детей...

– И наших талантов...

– И любви, которую здесь не встретить!

– Но как?! Скажите кто-нибудь, как нам выбраться из этого ужаса?!

– Рано или поздно судьба дарует нам шанс, я уверена!
Главное – дожить и не потерять себя!

И блохи дожили. Погостим осенним днем из лесу вышел Волк – сильный и молодой. Ему хотелось есть, а пасущиеся на опушке овцы казались легкой добычей. Про Пса Волк слышал, но юности свойственна дерзость, к тому же Волк был в ссоре с родней и не желал оставаться с ними в одном лесу. Тем не менее, прежде чем выбрать подходящего ягненка, Волк сходил и посмотрел на Пса, который как раз чесался, выдирая клочья шерсти и подскуливая. Зрелище было столь жалким, что Волк, больше не скрываясь, помчался к добыче. Пес услышал шум и, позабыв о своих невзгодах, бросился в бой. Враги сцепились в смертельной схватке.

– Прыгаем! – крикнула соплеменницам Решительная блоха. – Другого шанса может не быть!

– А трусы будут гнить в своей овчарне! – хохотнула Грубая.

– Если только наш волк не загрызет вашу тварь, – добавила Мрачная.

– И вы сдохнете с голоду, – подхватила Самая Красивая. – Прощайте, родители, вы меня никогда не понимали.

– Вперед! – велела Решительная. – За мной!

Прыжок Решительной был удачен: она попала туда, куда хотела, и скрылась в густой серой шерсти, подав пример другим. Блохи одна за другой перебирались на волчью шею, но не все. Кто-то опасался промахнуться и сгинуть от го-

лода в жестких травах, кто-то боялся тех, кто уже живет в волчьем меху, кто-то просто метался, упуская момент за моментом, а схватка становилась все ожесточенней. Пес и Волк то налетали друг на друга, то отскакивали, то вновь бросались в бой. Кровавая пляска делала переправу смертельно опасной, а потом Волк не рассчитал. Совсем немного, но Пес был опытен и в полной мере воспользовался ошибкой противника. Белые клыки сомкнулись на волчьем горле, хлынула кровь, и все было кончено.

Прибегавший Пастух достал нож, снял с Волка его прекрасную шкуру и сунул трофей в реку, не зная, что губит десятки надежд.

– Печально, – сказала наблюдавшая за трагедией с песьей шеи Изысканная блоха. – И горько.

– Но мы живы, – напомнила Хромая.

– Главное, – поддержала Чадолюбивая, – будут живы наши дети.

– А творить можно и в хлеву, – поддержала ее Поэтичная. – Ой, кто это?!

– Я вернулась, – прошептала израненная Решительная. – Я вернулась домой... Все мои соратницы погибли, а я...

– Прочь! – заорала Чадолюбивая. – Явилась объедать наших детей?

– Изменница, – воскликнула Изысканная, – коварная и неблагодарная!

– Неудачница, – припечатала Хромая.

– Ну как, выбралась из глуши?

– Волчьей крови захотела? Мир повидать захотела?!

– Ты предала не только нас. Ты предала нашего дорогого

Пса!

– Ступай жрать траву... Тля!

– Других погубила и за нами вернулась?

– Прочь!!!

Разъяренные блохи окружили Решительную, намереваясь скинуть ее с песьей шеи, однако расправу невольно прервал Пастух, вздумавший потрепать Пса по загривку.

– Бедняга, – сказал он, – весь в крови. Идем, я тебя в речке отмою!

Подсохшее перо почти не оставляло следа, Арлетта сунула его в чернильницу, перечитала написанное и поняла, что вышло злей, чем задумывалось. Такое с ней уже бывало. В Олларии.

Левий, прочитав сказочку о ненавидящем Слизне, спросил, почему она написала это именно сейчас. Вразумительно объяснить, что на нее накатило, графиня не смогла, потому вопрос и запомнила. Теперь женщина задала его себе сама и опять не нашла ответа. Бесноватых в Придде вывели еще осенью, разве что зелень притащили гости из других провинций?

Рудольф подобного не исключал, но валить собственную злобность на дюжину пока еще тихих подонков Арлетта не собиралась. Причина крылась в другом – графиню, как и

прежде, раздражал двор, к тому же оставшаяся без церемониймейстера Георгия так и норовила повторить материнские выдумки. Ничего опасного в этом не было: внешних врагов у Талига почти не осталось, а те немногие, кто еще помнил алисианские приемы, дриксенскую лебедицу не жаловали, пусть и по разным причинам. Графиня задумчиво тронула чернильницу и резко пододвинула рукопись к себе – так и есть, блохи, пусть и не все, говорят, как знакомые... Ли узнаёт сразу.

Стук входной двери и быстрые, явно мужские шаги показали ответом, Арлетта едва не вскочила, но сдержалась: в Старой Придде лучше сдерживаться, но это свой, то есть тот, кого знает камеристка. Графиня неторопливо обернулась и увидела младшего. С капитанской перевязью.

– Поздравляю, – Лионеля обнимать можно, Арно до нежностей пока не дорос. – Что ты совершил?

– Потом объясню. Мама, я не один.

– Ты все же решил поручить выходца мне?

– Выходца? – непонимание на родной до дрожи физиономии сменилось, нет, не досадой, смешком! – А, вот ты о чем... Ерунда какая! Мама, Рокэ велел гнать всех к тебе.

– Дитя мое, ты меня пугаешь, Маркус прислал только три сервиза.

– Мама... Нет, ну ты...

Теперь они смеялись вдвоем. Молчать со старшим, хохотать с младшим. Остается Эмиль, но с ним тоже что-нибудь

да сыщется!

– Со мной... – Арно наскоро утер слезы, – со мной Валентин... Назови его как-нибудь Заразой, пусть обалдеет, ему полезно.

– Я обязательно попробую. Так вы вдвоем?

– Нет, еще Герард с Ариго и Эпинэ; ты его вроде любишь.

– Зато вас с Рокэ сейчас разлюблю! Что встреча после бури рождает счастье, ты, надеюсь, помнишь?

– Веннена, пожалуй, забудешь! Особенно в обществе Спрута.

– Тем хуже. Догадайся вы явиться поодиночке, было бы у меня три отличных счастья, а вы какой-то ком скатали. Счастливый, не спорю, но один.

– Да? – темные брови сына на мгновенье сошлись, – а если, как в Торке, три кома поставить друг на друга? Оно ведь до весны простоит.

Нужно было идти к милым, дорогим, желанным гостям, всплескивать руками, ахать, кормить, а они глядели друг на друга и ржали. Мать с взрослым сыном, вдова маршала, она же сестра экстерриора, и свеженький капитан. Чудовища... Талигойские.

3

– С прымпердорами можно отлично ладить, – Валме, которому Чарльз был ужасно рад, бросил под стол кусок оле-

нины. – Не веришь, Котика спроси, он с первого нюха понимает, когда кто-то не хуже меня. Нет, будь он дамой, я про Котика, мне бы стало обидно, пусть и меньше, чем обойди меня банальный маршал, а так все устроится. Ты просто не привык.

– К Ворону?! – возмутился Чарльз. Стакан тоже возмутился и опрокинулся, но в нем уже ничего не было.

– Ну да, – кивнул виконт. – С ним главное, чтобы без перерывов и поблажек. Сперва будет, выражаясь по-адуански, хреноватенько. Злишься, вскакиваешь ни свет ни заря, куда-то несешься. От тебя не отмахиваются только потому, что ты не пристаешь, а не пристаешь ты потому, что у тебя ноет все, кроме носа. И так день за днем, а потом раз – ничего не ноет, и тебя уважают замечательные люди.

– И кто же? – Если леворукие кому-то нравятся, пожалуйста, а у него и так есть о чем говорить.

– Те же бакраны, – пожал плечами Марсель. – Твое здоровье!

– Постой, – Чарльз ухватил кувшин и наполнил строптивый стакан. – Твое тоже!

– Я достоин отдельного тоста.

– Уговорил. И хватит о проэмперадорах!

– Примпердорах. Ты не вылечишься, пока не научишься их правильно называть!

– Да не хочу я их никак называть, я и слышать-то про них не хочу.

– Ты не слушаешь, ты о них говоришь, причем о Савиньянке – заметно больше.

– Он меня бесит, вот бесит, и все тут! Как бы объяснить... В бою я его закрую, и при этом так бы и убил! Большой Руди – человек, Ариго – человек, а этот... Леворукий. Он же не видит никого, то есть видит, но как барышник лошадь.

– И ты позволяешь?

– А что я могу?

– В самом деле, – зевнул Марсель. – Мой тебе совет: если не можешь, то и не хоти. Второй способ – выпить на брудершafft, вот мы с Рокэ выпили... Только у тебя не выйдет.

– Мне и не надо!

– Савиньяку тоже. Если я скажу, что тебе на самом деле надо, я скажу пошлость, а пока жив папенька, это нежелательно. Да... Ты же теперь граф, и мы за это не пили.

– Это не повод!

– Повод. Теперь о Давенпортах будут судить по тебе, так что кончай с занудством.

– Мне жаль отца, – невпопад пробормотал Чарльз, отпив показавшегося безвкусным вина. – Мы так и не встретились... Были оба на Мельниковом, знали друг про друга, но ты же понимаешь...

– Что именно?

– Встречаться перед боем – плохая примета.

– Была, – виконт опустил руку под стол и почему-то поморщился. – Вы с отцом поддались суеверию и тем самым

доказали его ложность. О, как брякнул, а ведь казалось таким посредственным...

– Что казалось?

– Вино. Теперь перед боем можно встречаться с кем угодно, хуже не будет. Как и лучше. Судьба вообще редкостная дрянь, а уж шарики у нее... Твое графство!

– Спасибо! Ты ведь из Кагеты сейчас?

– И из нее тоже.

– Мне нужны топазы. Золотистые.

– Начни с ювелиров, они, конечно, своего не упустят, но посылать в Кагету за топазами всяко дороже. Разве что съездить самому.

– Что мне там делать?

– Познавать мир. – Виконт вытащил плоскую флягу. – При разбитом сердце очень полезно.

– Кто тебе растрепал?

– Бонифаций.

– Кто?!

– Его высокопреосвященство, но злиться на него даже у тебя не выйдет.

– С тобой говорить, как... – Чарльз хлопнул по столу ладонью. – Мне на нового кардинала начхать, я его сто лет не видел и не собираюсь. Ему кто разболтал? Кто?!

– Дъегаррон, видимо. Или нет... Не все ли равно? – Валме принялся разливать что-то пахнущее полынью. – Это было печально... И здесь оно уместно, я про «это было», но тебе

этого не понять! Главное, что осень в Кагете фиолетовая с золотом.

Это было красиво и всегда таким будет,
Так забудь про извивы всяких пакостных судеб...

Она выбрала маршала, а меня выбрала... выбрало много чего. За фиолетовое с золотом! И за дам, которые светят нам издали! Чем дальше, тем ярче.

– Мелхен я не отдам, – под руку что-то попало, и Чарльз его отшвырнул. – Уж не знаю, кто и зачем лезет в мои дела, но хорошо, что ты про нас знаешь... У Мелхен золотые глаза, я должен подарить ей топазы. Лучшие, на это моего наследства хватит!

– Баата не только топазы, он тебе свой лилион подарит. Особенно если Рокэ поспособствует.

– Марсель, мне не нужны подачки! Тем паче из-за Алвы!

– Казар расстроится, он такой ранимый...

– К кошкам! Ты пойми, я ее сперва не разглядел; знал, что с нами генеральша Вейзель с дочерью едет, ну и ладно, не жалко! А потом во дворе, где эти... Альт-Вельдеры свою воду подают, мы почти столкнулись. Мелхен отпрянула к своей мамаше, та понесла какую-то дичь про марагов, а для меня мир перевернулся.

– Не для тебя одного. Ариго на том же дворе влюбился и уже женился. Надо, кстати, за него выпить!

Это было правильно, и Чарльз от души хлебнул полынной касеры. Счастье Ариго обнадеживало, ведь оно тоже началось в Альт-Вельдере, только генерал утонул в серебре, а капитан – в золоте.

– Ты должен ее увидеть, – потребовал Давенпорт. – Мелхен просто чудо, а как она умеет слушать... не просто слушать, запоминать! Даже про то, как Савиньяк с Хайнрихом сговаривались, хотя тут и подружка могла добавить, дочка нашего Свина. Вот уж кого придушить тянет... и ведь когда молчит, красotka, но как рот откроет! Уж лучше папаша!

– Молодой Фельсенбург с тобой не согласится. И я не соглашусь. – Валме опять глянул под стол и улыбнулся. – Спит... Девица Арамона, если пожелает, станет дриксенской герцогиней.

– Да хоть гайифской, лишь бы поскорей! Это же змеюка в голубиных перьях, и еще кот...

– Да, собака лучше, – твердо сказал Марсель. – Не выпить ли нам за Готти и в его лице за тех, кто никогда не цапнет зря?

– Я готов, – согласился Чарльз, – а потом ты пожелаешь мне счастья!

– Теоретически, – Валме поставил приподнятый было стакан. – Пить за твое счастье я буду готов, когда увижу Мелхен.

– Я знаю, что говорю.

– Я тоже. Допустим, Мелхен – это твое счастье, но вот подходишь ли ей ты? Сам посуди, рядом с девушкой гене-

ральша Вейзель, подруга и кот. Мелхен их любит, а ты терпеть не можешь. Их трое, ты – один и говоришь с любимой не о розах, а о Савиньяке с Хайнрихом. А она вообще не говорит, а слушает. Это очень похоже на вежливость...

– Я тоже этого боялся, но ей не скучно, уж это-то я понять способен!

– Чтобы и я понял, мне нужно припасть к источнику.

– Чего?

– Расскажи мне то же, что и девице, и я тебе скажу, есть ли у тебя шанс или лучше начинать глядеть по сторонам. В Старой Придде должна быть уйма невест, в том числе и хороших.

– Мне нужна Мелхен!

– Это я уже понял. Рассказывай про Хайнриха.

– Вообще-то я рассказывал про весь наш рейд от Ор-Га-ролис до Бергмарк. Мне придется много говорить.

– А мы никуда не спешим. – Валме положил рядом с первой флягой вторую. – Я не собираюсь будить дядюшку Маркуса.

– Фарнэби поздно ложится. – Чарльз вытащил полагающиеся ему, как адъютанту, часы, взгляделся и кивнул. – Мы можем еще с часок просидеть, и ты все равно успеешь.

– Не хочу. Если Маркус не будет спать, мне придется с ним говорить, а меня как-то не тянет. Часа в четыре он ляжет, тогда-то я и нагряну.

В этом была своя логика, Давенпорт засмеялся и вновь

отхлебнул пахнущего степным дымом пойла. Оказывается, все это время он хотел выпить с кем-то, кто в состоянии понять... Марсель появился удивительно кстати, а ведь при виде Ворона капитану захотелось убраться куда-нибудь подальше. В ту же Холту.

Глава 2

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 5-й день Зимних Ветров

1

Утро во всех смыслах подавало надежды, и Арлетта решила по сему поводу обновить «северное» платье фамильных цветов. Камеристка, выказав положенный восторг, была отпущена, и готовая к любым неожиданностям графиня осталась прикидывать, чем обернется очередной кульбит Рокэ, однако сюрприз преподнес Арно. Младший младший не только продрал глаза до полудня, но и заявился к почтенной родительнице. С умилительно серьезной физиономией.

– Мне тебя спрашивать о завтраке, – деловито уточнила Арлетта, – или ты для подобного слишком капитан?

– Ну, мама, – прыснул Арно, с ногами забираясь в кресло, которое отличал и мэтр Инголс. – То есть мы позавтракали с Герардом. Ты ему не поможешь остаться здесь?

– Здесь? – в самом деле удивилась графиня. – Мне казалось, он без ума от армии. Вы собрались переловить всех бесноватых Придды?

– А хорошо бы, – мечтательно протянул сын. – Дядюш-

ка Гектор сказал бы, что я допустил... забыл, как это у дипломатов зовется. Когда брякаешь ерунду, а другие ее увязывают с тем, о чем думают сами, делают умные выводы и садятся в лужу. Только я брякнул нечаянно. Здесь – это не в Старой Придде надолго, а у тебя до нашего отъезда. Принесли письмо от графа Креденьи, он хочет, чтобы Герард жил у него, и вообще собирается сделать нашего рэя своим наследником...

– Можешь не продолжать, – Арлетта погладила меховую оторочку. – На мой взгляд, Креденьи прав. Прежде я бы сравнила его родню с крысами, но минувшим летом некий представитель крысиного рода вызвал во мне симпатию. С другой стороны, сидеть за столом с таким дедом и тем более с такой бабкой... обременительно.

– Вот-вот! Герард сумки собрал, но совсем скис. Мама, я его задержал и велел ждать.

– Молодец. Вас не затруднит отправиться пофехтовать или посмотреть Старый Арсенал... Нет, не выйдет: замок готовят к празднествам, так что отправляйтесь-ка сквозь метель в город. Ты сможешь убедить рэя Кальперадо, что вы ушли раньше, чем доставили письмо, которое я вскрыю по близорукости?

– Попробую.

– Как дипломатично.

– Да уволоку я его!

– Теперь совсем другое дело. – Креденьи до глубокого ве-

вчера сидит в тессории, значит, письмо на его имя прочтет знаменитая Аглая. – Деньги нужны?

– У меня есть.

– Возьми в бюро пару сотен. У церкви Лысого Рихарда живет мастер Гишфорд, по словам Маркуса, он вполне приличный ювелир. Закажите подарки для Селины и ее подружки, потом где-нибудь перекусите. В общем – прощай, самое малое, до темноты.

– Спасибо, – сын вспорхнул с кресла и вдруг остановился. – Совсем забыл! Я же письмище тебе привез от Сэц-Пуэна. Не удивляйся, это я его заставил написать сперва про фок Варзов, а потом про всё вообще. Бедолага упирался, пришлось наплести, что ты обожаешь подробности и что Валентин тебе пишет целые поэмы... То есть не стихи, а много и образно. Сэц-Пуэн поверил и расстарался; он хотел, чтобы сперва прочел я, но у меня не вышло.

– У меня выйдет. Давай.

Размеры письмища напоминали о Манриках, вернее, о всяческих отчетах, но графиня была слишком обязана одноглазому капитану, чтобы не просмотреть его труд. Узнать о последнем бое фок Варзов тоже не мешало, однако начала Арлетта со спасения Герарда от родни.

Минутку поглядев вслед мальчишкам, любящая мать сосредоточилась и сочинила очаровательное послание к графу Креденьи, которого была бы счастлива угостить хорошим, особенно для северного захолустья, шадди. Графиня сунула

послание в футляре с гербами, велела вызвать курьера и развернула творение Сэц-Пуэна, начинавшееся с бурных расшаркиваний.

«Ваше Сиятельство, – волновался бывший комендант Лаик, – я никоим образом не осмелился бы посягнуть на Ваше внимание, но капитан Сэ убедил меня в том, что Вы пожелаете узнать подробности того ужасного и при этом бесценного дня, который маршал Вольфганг фок Варзов вырвал у стремящегося к Доннервальду фок Гетца, однако начать мне придется издалека.

Капитан Сэ настоятельно советовал мне не благодарить Вас, и я ограничусь заверениями в том, что никогда не забуду Вашего благодеяния. Вернуть уверившемуся в своей бесполезности военному возможность сразиться за Отечество значит подарить ему вторую жизнь. Я был даже не счастлив, я просто был, ощущая всею душою, что год пустоты и отчаяния канул в небытие. Кажется, я всем улыбался – солдатам, горожанам, лошадям, даже сидящей на воротах дома, в котором квартировал фок Варзов, галке. Падавшие мне на лицо снежинки, которые я запомнил, доказывают, что было пасмурно, но я помню солнце, хоть и осознаю, что не мог его видеть. Очевидно, завладевающая человеческим существом радость подчиняет себе даже память, но я взялся за перо, чтобы рассказать о маршале...»

Алва уже часа три как сидел с Ноймариненом. Прикинув, во сколько регенту пришлось подняться, выспавшийся до предела своих немалых возможностей Марсель глотнул лимонной воды и задумался. Офицер при особе в случае отсутствия особы обязан искать на свою голову особые поручения самостоятельно. Виконт побарабанил пальцами по столу, вспомнил Бруно и, насвистывая, перебрался к зеркалу. Адуанский стиль, которого по ряду причин придерживался наследник Валмонов, подразумевал благородную и при этом слегка варварскую простоту. Марсель перебрал с полдюжины шейных платков, выбрал черный с синим, стянул волосы черной же лентой, провел пальцем по щекам и взглянул в окно, за которым буянила честная северная метель.

— Это было бы скверно, — пробормотал виконт, — будь мы нынче в пути,

Мы могли бы замерзнуть или волка найти...

— Врвм? — удивился из-под стола Котик.

— Извини, — виконт бросил волкодаву последний пряник. — Я был бестактен, волк тебе, а значит и твоим спутникам не страшен, но прогулки не выйдет. Погода.

Пес захрустел сразу скорбно и мужественно, слегка напомним Баату. Марсель вновь покосился на законное безобразие, поменял местами кувшин и блюдо с фруктами, после

чего принялся размышлять о съехавшейся в Старую Придду компании. Давенпорт, подвергни его какая-нибудь... герцогиня допросу, припомнил бы разве что собственные стенания, но виконт добыл из откровений приятеля немало любопытного. Досада на Савиньяка и страсть к загадочной Мелхен, судя по всему, прятанной от незадачливого кавалера за Селину, в свою очередь, догадавшуюся прикрыться котом, были всего лишь забавны, однако по сторонам влюбленный тоже смотрел, память же у него была адъютантская.

Предпочтительно знать, кто, когда и откуда,
Только так ты поймешь, что затеял паскуда...

Из нехитрых подсчетов следовало, что первые и самые дальние паскуды засобирались на север задолго до появления Алвы. Самозванный командующий Кольцом Эрнани после беседы с Проземперадором Юга засел в Дораке, но его сын почти сразу отправился свидетельствовать свою преданность его величеству, читай, Георгии Оллар. С собой Дарзье прихватил оставшуюся без браслета сестру, что вряд ли обрадовало заявившихся месяцем позже Гогенлоэ. У этих, впрочем, были дела поважней ловли женихов для целого выводка невест. Глава семейства мало того что почти потерял должность, еще и со стороны промахнулся. На Манриков ставили многие, это казалось надежным, всяко надежнее Приддов и королевы...

– Дочери обычно ценнее сестер, а Гогенлоэ банальней капусты. – Валме, живо заинтересовав Котика, полез в карман, но сейчас ему требовалась монета. – Если дракон, первым меня будет кушать Маркус.

Золотой подпрыгнул и упал на бледно-зеленый ковер. Решкой вверх, однако виконт на поводу у судьбы не пошел. Порывшись уже в конфетнице и вытащив сливочную тянучку, Марсель бросил находку Котику, перевернул неправильно упавший талл и позвонил. На пороге немедленно и бесшумно возник лакей, показавшийся несколько чрезмерным, хотя на самом деле Марсель просто отвык от мира и прилегающих к нему породистых слуг.

– Милейший, – с легкой фальшью протянул виконт, – мне нужны шадди и цирюльник.

– Да, господин виконт, – истукан в ливрее поклонился и вышел, даже на Готти не посмотрел.

– *Как же скучно возвращаться среди бессмысленных рыл,* – посетовал господин виконт, – *проглядевший собаку от рождения бескрыл...*

– Врряв, – донеслось из-под стола. Котик не возражал, а докладывал о приближении нового лица, и лицо это было изрядно похудевшим Маркусом.

– Малыш, – просиял он, – ты так рано проснулся!

– Разве? – удивился Валме и небрежно коснулся талла. – Я загадал на того, кто войдет в эту комнату первым, не считая прислуги, само собой. Вошли вы, я счастлив, но шадди мне

все равно нужен.

– После завтрака, – отрезал Маркус. – Нам есть о чем поговорить, более того, мне есть о чем поговорить с регентом, и желательно сегодня.

– Бедный регент, – Валме слегка прищелкнул пальцами, приглашая Готти перейти к обнюхиванию. Дядя даже не вздрогнул, он вообще оказался отважным. Это надо было додуматься – остаться с Фердинандом, причем бесплатно и почти до конца!

3

«...я точно запомнил мгновенье, когда захотел стать артиллеристом. Батарея отбила очередную атаку, третью или четвертую, бергерский капитан, его убило через четверть часа, доложил, что, несмотря на холодный ветер, орудия опасно нагрелись. Маршал кивнул и отдал приказ для увеличения частоты выстрелов заряжать, не баня стволов. Капитан пытался возражать, фок Варзов его оборвал, бросив, что не намерен беречь пушки для дриков. Пусть рвутся, но сперва из них следует выжать все и более. Офицер отдал честь, он все понял, мы все понимали.

Бергер убежал, и стало неимоверно тихо. Отчего-то я вспомнил, что в книгах, которые я начал читать в Лаик, в подобные минуты очень много говорят, однако маршал молчал, молчали все – фок Дахе, племянник маршала полковник

Гельбраузе и двое пожилых ординарцев. Фок Варзов смотрел на флаг корпуса, который мы могли видеть, хотя прорваться к нему вышло бы разве что у кирасир; впрочем, прорваться никто не собирался, а ведь такая возможность полчаса назад у нас имелась.

Батарейю тогда еще не отсекли, ее успевали вывезти, однако несколько часов до темноты были важнее и пушек, и артиллеристов, и всего корпуса. Не буду лгать, тогда я об этом не думал, кажется, я не думал вообще. Пороховой дым медленно, очень медленно рассеивался, он был удивительно бел, много белее снега, казалось, с небес сорвали облако и бросили нам в лицо – странное чувство... Потом впереди завывла труба. Я не успел заучить сигналы дриксенской Горной армии, но он мог означать одно – конец передышки...»

– Сударыня, – камеристка держалась с должной невозмутимостью, но что-то в ее голосе было не таким, как обычно. – Вас желает видеть супруга графа Креденьи. Она, как вы и распорядились на ее счет, в приватной гостиной.

– А свита? – Аглая Кредон нипочем не явится к графине Савиньяк без эскорта.

– Госпожа оставила свиту в приемной.

– Спасибо. – «Супруга графа Креденьи»... В Фарне подбирать слова умеют не только хозяева. – Какие на ней цвета?

– Госпожа сочла уместным надеть розовое двух близких оттенков.

Луиза Арамона, описывая маменьку, не преувеличивала,

хотя глупость и ум порой приходят к одному решению, и по-ди разбери, кто его принял. Цвета Креденьи напоминали бы о происхождении новоявленной графини, а девический розовый – всего лишь о том, что годы ей не указ.

– Распорядитесь о шадди, и пусть Гастон подберет что-нибудь... подходящее для супруги графа Креденьи.

– Да, сударыня.

Окажись поблизости кто-то азартный, впору было бы заключить пари, угодит ли повелитель буфета столь примечательной гостье. Теща выходца за неделю с небольшим раздрадила чуть ли не всех обретающихся в Старой Придде дам, Арлетта полагала это удачным.

Женщина перевернула небольшие песочные часы, убрала оказавшееся истинным бриллиантом «письмище» и набросила темно-красную шаль с оленями. Знакомство с Герардовой бабкой началось со свиты, которую вышедшая из дверцы для слуг графиня застала врасплох. Вскочивший зверинец впечатлял. Аглая прихватила с собой четверку уродливых компаньенок, обвешанную мешочками и футлярчиками щекастую камеристку и завитого юношу без шпаги, видимо, секретаря. Сама Аглая записала бы разодетого молодого человека в любовники, однако Луиза полагала мать падкой не на красотонов, а на почести. Слегка щурясь, графиня отмахнулась от затрепыхавшейся компании и самолично распахнула дверь.

С порога госпожу Креденьи можно было спутать с доче-

рю собственной дочери, вблизи все становилось на свои места, хотя, пожертвуй усыхающий анемон рюшами и локонами, время не казалось бы столь всемогущим.

– Дра-агая, – Аглая томно протянула лапки в девичьих кружевах. – Я так рада вас видеть. Тем более здесь...

– Увы, – подмастила мать Проземператора, – Старая Прида несколько провинциальна.

– О... Ужа-а-асно! Вы написали моему супругу, но он так за-анят.

– Должность тессория довольно-таки хлопотна.

– Ужа-а-асно, но садитесь же, дра-агая.

Сесть в собственном доме, пусть и временном, графине Савиньяк еще не предлагали, это было восхитительно.

– Сейчас подадут десерты, – улыбнулась Арлетта. – Надеюсь, они вам понравятся.

– Если они не подойдут, я та-ак и скажу. Мы этой зимой три ра-аза меняли повара.

– Воровство или бездарность?

– Мой супруг тессорий не потерпел бы воровства. Глупость, скверные манеры, и они так уж-жасно варили шадди.

– Вы любите шадди?

– Обожаю, но пью его один раз в неделю и обязательно до полудня.

Розовая Аглая не врала. Можно подделывать многое, но не истинную любовь к морисскому ореху. Пока графиня Кре-

деньи смаковала напиток, она казалась почти милой старушкой, которую злые люди вырядили в кукольное платьице.

– Ваша дочь не упоминала о том, что мы сходимся в своих пристрастиях, – заметила Арлетта и услышала, что граф и супруг полагает дивный напиток опасным. Смертельно.

– *Для мужчин*, – понизила голос Арлетта, стараясь произнести *ужа-асное* и при этом волнуящее слово с должным придыханием. – *Мужчины* часто страдают сердечными хворями.

– Мой супруг здоров, – заверила графиня Креденьи и перешла на дам, что, злоупотребляя шадди, портят себе цвет лица и волосы.

– Я знаю, – весело откликнулась Арлетта, – я груба и неженственна, но в моем возрасте это можно позволить. Собственно говоря, я могла себе это позволить и в молодости.

Аглая хихикнула и поправила кружавчики, после чего принялась, не скрываясь, изучать туалет хозяйки. Не лишенная едкости эпиграмма о впущенной во дворец обезьянке в бантиках веселила Старую Придду третий день, только обезьянка, добившаяся невозможного, полной дурой быть не может, а замашки... Свой смысл есть и в них. Если тебе ни почем не стать своей, оставайся чужой. Если тебе шипят в спину, начинай лаять. Чем громче и визгливей, тем лучше! Девочку в окошке без Рамиро и Франциска затопчут, графиня Креденьи вывернется и цапнет. Больно и почти наверня-

ка – ядовито.

– Те-емное ста-арит, – снизошла до совета разглядевшая, наконец, хозяйку гостя. – И тяже-елое.

– Зачем... матери маршалов молодиться? – Упомянуть о вдовстве было бы уместней, но не разминивать же главное в своей жизни на придворные дразги? – Кстати! Маршал Лэк-деми очень высокого мнения о внуке графа Креденьи.

– И ре-егент герцог Алва, – голубенькие глазки мечтательно закатились. – Ах, я ему та-ак обязана... Вы знаете, регент в Октавианскую ночь меня спас от злодеев... У нас были гадкие соседи, особенно один. Мерзавец был булочником, регент его вздернул на собственном крыльце, это было уж-жасно, но так справедливо! Я сочла своим долгом посмотреть... на торжество добродетели. Мне стало дурно, но у меня были фельпские соли... Я вы-ыдержала.

Луиза упоминала, что мать целый день бегала смотреть на повешенного, не забывая объяснять всем встречным, что злодей наказан лично Вороном за покушение на Аглаю Кредон. Арлетта убрала с уж-жасно старящего ее бархата пушинку и глубокомысленно свела брови.

– Нигде, – вздохнула графиня, – нигде нельзя чувствовать себя в безопасности... Мы не знаем, не можем знать, что на душе у тех, кого мы не замечаем. У всех этих булочников, поваров, дворецких! Однажды мы с вашей... госпожой Арамона стали свидетелями омерзительной сцены. Дворецкий маркиза Фарнэби имел отличные рекомендации, тем не ме-

нее он сошел с ума и напал на юную девицу, а незадолго до того я столкнулась с обезумевшим ментором... С тех пор я не выхожу без должной охраны. Не спорю, хороший секретарь полезен, но пара торских ветеранов жизненно необходима.

– Вы так пола-агаете? – протянула живо заинтересовавшаяся красотка, и Арлетта молитвенно сжала руки.

– Это может спасти счастье тех, кто вас любит.

– Конечн-ечно... Граф Креденьи был бы безуте-ешен.

– Не только он, – окончательно не выдержала графиня Савиньяк. – Мир без вас утратит часть красок. Он станет менее розовым.

– Пра-а-авда? – чистенький мизинчик коснулся нарумяненной щечки. – Вы так инте-ересно говорите.

– Я – урожденная Рафиано.

– Граф Креденьи зна-ает вашего брата... Мой супруг не сомневается в ва-ашей добродетели и никогда не верил в эти уж-жасные слухи про графа Валмона.

– Ваш супруг мудр.

– О, – супруга Креденьи опустила глазки, – о...

– Он не верит сплетням, но лучше не давать сплетникам лишнего повода. Порой это невозможно, когда дело идет о... Надеюсь, вы меня понимаете?

– Дра-агая...

– Я не сомневаюсь в вашей прозорливости. Мой сын маршал Лэкдеми пишет, что граф Креденьи хочет сделать своим

наследником своего внука Герарда.

– Рея Кальпирато, – жеманно поправила бабушка. – Регент герцог Алва сделал Герарда реем, они встретились в моем доме, и регент был так любе-езен.

– О, Рокэ с дамами сама любезность! Но юный Герард в самом деле отличный офицер. Открою вам секрет, рэй Кальперадо оказал моему сыну огромную услугу. Ваш супруг может гордиться таким внуком, но, насколько я помню, у графа Креденьи есть младший брат, который сейчас является наследником.

– Приживальщик, – припечатала Аглая, – и подкаблучник. Я про его козу такое могу...

– Самое малое, она лишена такта.

– Са-авершенно, – опомнилась графиня-тесемочница. – Ну просто са-авершенно.

– С этой дамы станется распусть сплетню о том, что Герард влияет на графа Креденьи, чтобы прибрать к рукам его состояние. Будет лучше, если рэй Кальперадо останется со своими товарищами – герцогом Приддом и моим младшим сыном и как можно меньше будет встречаться с дедом и вами. Это выбьет сплетников из седла.

– Вы так пола-агаете?

– О! Я знаю цену слухам.

– Я в них никогда не верила... И граф Креденьи...

– Я перед вами в долгу...

– Дра-агая...

– А перед госпожой Арамона и ее дочерью в долгу весь Талиг. Они очень рисковали, выполняя личную просьбу регента. Понимаете, герцог не мог так просто уехать, когда... когда... Надеюсь, вы меня понимаете?

– Ах... Мне говорили, Катарина Ариго походила на меня...

– Как сказать. Ее величеству приходилось носить тяжелые платья. – Которые делали ее хрупкой девочкой. – Королева не вправе позволить себе вольностей в одежде.

– О... В одежде, – Аглая тоненько хихикнула и прикрыла губки платочком. – Регент и герцог просил Луизу позаботиться о... вы ведь понимаете?

– Мне кажется, да. Не сомневаюсь, верность Луизы и Селины будет оценена. Я знаю, вас шокировало согласие госпожи Арамона стать дуэньей. Поверьте, если бы она могла открыть вам тайну, она бы ее открыла.

– Дра-агая, я знала все с самого начала! Я вижу людей насквозь, конечно, я молча-ала...

– Но разве не вы давали советы относительно туалетов Селины? В голубом она упоительно хороша.

– Да, недурна, но ей надо испра-авлять манеры. Селина слишком провинциальна, чтобы находиться в нашем доме. Луиза тоже опростилась... Она зл... Она-а страдает, что совсем не похожа на меня, но лучше выглядеть можно всегда. Я ей даю на-алежащие советы, но это ее ужасное упря-а-мство, эти манеры...

– Бедняжка была несчастлива в браке, но при этом ничем себя не запятнала. Более того, она, несмотря на... дурное поведение супруга, сохранила семью. Вы, полагаю, слышали о несчастливом замужестве старшей дочери герцога Ноймаринен? Она не смогла стерпеть того, что Луиза переносила с истинно олларрианской кротостью.

– Лу не шлюха, – засвидетельствовала розовая добродетель, – она никогда бы не повела... Супруг нам дается свыше, его надо чтить и...

– Учить добру, – подсказала Арлетта, – как завещал святой Павсаний.

– Ах, как вы пра-авы! Я как раз хотела напомнить эту проповедь. Лу пришлось тяжеленько, с ее ног... внешностью, но она терпела...

– И ее терпенье было гордым.

– Как вы все па-анимаете!

– Не забывайте, я путешествовала с госпожой Арамона. И я, как мать военных, имею некоторое представление о капитане Арамона.

– Похотливый скот! Мужлан!

– Мне очень жаль Луизу, – тихо и в самом деле искренне сказала Арлетта. – Ее молодость, ее надежды...

– Да ни на что она не надеялась, куда ей! С такой ро... Луиза удалась в господина Креденьи, он ей и добыл жениха. Не лучшего, я так прямо и сказала.

Пора было смущаться, Арлетта смутилась и сменила тему.

– Вы не встречали маркграфа Бергмарк? – быстро, пожалуйста, даже торопливо, спросила она.

– Откуда? Он же сейчас сюда ни за что не поедет! Тут же эта фи...

– Урфрида, – шелковым голосом перебила графиня Савиньяк. – Урожденная герцогиня Ноймаринен предпочла вернуться к родителям, и я ей очень сочувствую. Конечно, ее появление расстроит тех матерей, у кого дочери на выданье.

– Х-ха, – почти твякнула собеседница. – Гогенлоэ.

– Простите, не при слугах!

– Дра-агая.

Фарнский кудесник прислал лимонное желе, посыпанные корицей заварные пирожные, печеные яблоки под взбитыми сливками, мед, орехи и три вида сыра. Он принял в расчет локоны и кружева и позорно проиграл – гостя пристроилась к сыру. Графиня Креденьи хватала насаженные на серебряные шпажки кусочки и, отставив пальчик, отправляла в ротик, не забывая поносить Гогенлоэ, которых ненавидела даже сильнее, чем булочника-лигиста. Еще бы, ведь того уже повесили, а гнусные родственники имели наглость жить, претендовать на наследство и при этом воротить от Аглаи свои острые носы.

– В армии служат не самые утонченные люди, – улыбнулась Арлетта, – а я провела жизнь среди военных. Они полагают, что некоторые носы созданы, чтобы клевать, прошу прощения, конские яблоки.

– Уж-жасно, – просияла Аглая и понеслась дальше. Драгая графиня Савиньяк узнала, что бывший геренций лезет из кожи вон, чтобы удержать должность, и Рудольф принял его сторону. Гогенлоэ воспрял, но возвращение и победы принятого в доме Аглаи Кредон регента выбили старого урда из колеи. Сперва в споре за наследство Креденьи геренций поддерживал зятя, а теперь виляет и юлит. Кроме того, он хочет получить опекунство над внучками, которых забрал из Бергмарк якобы из жалости. Только на самом деле внучки ему нужны, чтобы подгрести под себя хотя бы часть состояния Манриков, благо прибрать к рукам нажитое бывшим тессорием охотников хватает. И самый шустрый – наследник Дораков: прискакал сперва в Ноймар, а потом в Старую Придду, да еще и сестрицу притащил, а та, между прочим, ведет себя непристойно.

– Девушку, – плеснула маслица в огонь Арлетта, – наверняка расстроил возвращенный браслет. Расторгнутая помолвка – это всегда огорчительно.

– То ли дело от мужа отделаться!

– Я все же не советую вам обсуждать герцогиню Урффриду при посторонних.

– Дра-агая, вам я доверяю! Но мне пора-а...

Аглая Кредон чмокнула Арлетту в щеку и выпорхнула лягушечкой, возомнившей себя морискиллой. Прелестная тема, особенно если вспомнить ядовитых дигадских пучеглазок. Арлетта отщипнула пару виноградин и перебралась к

столику, на котором утром «забыла» письмо Урфриды с предостережениями против дам Арамона. Оно лежало так же, как и прежде, но спрятанная меж страниц соринка исчезла: розовая лягушечка узнала то, что следовало.

Глава 3

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 6-й день Зимних Ветров

1

Размеренный торжественный стук напомнил о подзабытых дворцовых мерзостях, но в Старой Придде не убивали, не хватали и не оговаривали. Личный секретарь герцогини Ноймаринен, почтенный крючконосый ноймар, всего лишь передал приглашение своей госпожи, на что Робер растерянно кивнул и, подавив желание удрать если не к Ворону, то к Валме, позволил препроводить себя к матери Эрвина.

Герцогиня, приятная немолодая дама в золотисто-коричневом платье, низала бисер в полном одиночестве. Отчего-то это удивило, как и не по-северному хлипкий круглый столик, на котором красовались желтые яблоки и орехи.

– Спасибо, Хофф, – хозяйка аккуратно убрала свою работу в костяную шкатулку, – до вечерней диктовки вы свободны. Надеюсь, герцог, вас хорошо устроили?

– Да, сударыня, – честно подтвердил Эпинэ, – благодарю вас.

– Моей заслуги в этом нет, нам с мужем сообщили о го-

стях лишь утром. – Женщина медленно опустила резную крышку и поднялась. Она мало напоминала царственную красавицу с загубленного Савиньяком портрета и еще меньше – хмурую тучную старуху, из-за которой Ро удостоился чудовищной нахлобучки. Мало общего было у нее и с братом, впрочем, Фердинанда Оллара Робер особо не разглядывал.

– Как же ты похож на Мориса! – герцогиня красноречиво протянула руку, и Робер поднес ее к губам. – Простите, герцог, воспоминания... Я рада вас видеть, и вдвойне рада, что вы во всех смыслах вернулись домой.

– Так получилось.

– Да, так получилось... Нам с вами придется не слишком просто, хорошо, что вы это понимаете.

– Признаться, – вспомнил уроки мэтра Инголса Иноходец, – не слишком.

– Знакомиться надо прежде, чем станет неловко, но в нашем случае это невозможно. Остается неловкость преодолеть, и делать это лучше без свидетелей, даже самых дружеских, но садитесь же!

– Благодарю.

Казавшийся в сравнении со столиком несокрушимым стул легонько скрипнул. Будто поприветствовал.

– Вам удобно?

– Да, конечно.

– У Арлины... графини Савиньяк ладить с людьми полу-

чается лучше, чем у меня. Кровь Рафиано – это кровь Рафиано.

– Графиня Савиньяк дружила с моей матерью.

– Я тоже. Пока у меня была такая возможность... Увы, герцогиня Ноймаринен не могла писать в Старую Эпинэ, по крайней мере при жизни старого герцога.

– Моя мать это понимала. – Жозина раз за разом писала тем, кого считала друзьями, а тетка Маран воровала письма. Молчащая пустота казалась приговором, пока не нагрязнула Арлетта Савиньяк...

– Бедная Жозефина! Не представляю, как она вообще жила все эти годы. Ваш дед был удивительно мужественным и верным, но мужчина, тем более сильный и непримиримый, – дурной утешитель. Если бы только кто-то из вас... я о сыновьях, успел жениться.

– Это зависело от деда.

– Но теперь все зависит от герцога Эпинэ. Молодого герцога. Не сомневаюсь, твоя мать хотела бы именно этого.

– Она успела мне сказать о женитьбе и о том, что я должен... договориться с властями.

– Второе ты уже сделал... Рудольф... Мой супруг был удивлен, а я – нисколько, затея с Раканами с самого начала дурно пахла. Нет, сама мысль о том, что величие Талига кроется в памяти о лучших временах, верна, но беглецы слишком быстро становятся чужаками и пособниками врагов. Тебе повезло, ты вернулся вовремя.

– Я опоздал. – Опоздал объясниться если не с Вороном, то с Арлеттой, спасти мать, остановить рванувших к обрыву дурней. Сколько бы уцелело, начни он думать годом раньше? Удо с Рихардом точно. Карваль, Жильбер...

– Успей ты к деду, – задумчиво произнесла герцогиня, – ты бы не допустил даже мысли о примирении. Анри-Гийомом нельзя не восхищаться, но он побежден и мертв, а мы живы. Талиг – это мы, Робер. Разные, не понимающие друг друга, порой не желающие понимать, тем не менее юг и север обязаны объясняться и объясниться. Вам с Эрви удалось стать друзьями, что обнадеживает, но, с другой стороны, эта твоя ссора с молодым Дораком... Вы же не просто южане, вы – почти земляки!

– Мы не ссорились.

– Разве?

– Виконт Дарзье хотел нас арестовать, меня и Мевена. Валме не позволил.

– Понимаю. Теперь ты ему благодарен.

– Так и есть, – не стал вдаваться в подробности Робер. Как оказалось, зря, потому что герцогиня принялась его мирить, вернее, примирять еще и с Валмонами.

– Они непохожи на нас и никогда не будут похожи, – объясняла хорошая чужая женщина, перед которой отчего-то становилось все более неловко. – Граф Бертрам блюдет собственные интересы и не способен говорить прямо, но он принес и еще принесет Талигу немало пользы. Валмоны никоим

образом не друзья, но они, мой супруг в этом не сомневается, ценные союзники, тем более глава фамилии исключительно предан графине Савиньяк.

– Я не имел в виду ничего дурного, – торопливо объяснил Эпинэ. – Прозэмперадору Юга я очень обязан, а... виконт Валме привел к Кольцу кэналлийцев и этим спас нас всех.

– Можешь не продолжать, – невесело улыбнулась себе-седница. – Семейное благородство вынуждает тебя испытывать благодарность, и оно же отвращает тебя от людей, которые, оказавшись рядом с бедой, выжидают и смакуют сыры. Валмон мог остановить Колиньяра, но самоустранился, впрочем, так поступили и другие. Мы с супругом, увы, не исключение.

– Герцог Ноймаринен защищал перевалы.

– Валмон *свои* перевалы защищает всегда. Робер, я ведь могу так тебя называть хотя бы в память родителей? И я могу говорить тебе «ты», хотя я же это уже говорю! Сама не заметила, как начала... Ты не в претензии?

– Разумеется, сударыня.

– Мы станем друзьями, но сперва я должна принести извинения за всех, кто не вмешался, когда Старую Эпинэ толкали к восстанию. Не важно, что за этим стояло – выгода, нежелание, расстояния, куриная слепота... Вас у Жозефины было четверо, теперь остался лишь ты. Последний из Эпинэ, вообще последний. Ты обязан выжить и вырастить хотя бы

одного сына, хотя что это я? Арлина наверняка тебе об этом не раз говорила!

– Да, сударыня. – Зачем он врет? Арлетта ничего не говорила, вернее, говорила другое. О том, что нельзя решать за женщин и шараться от любви. Говорила о любви и сестра, именно о любви, а не о семейном долге.

– Тебе неприятно это слышать? Я знаю, недавно ты был сильно увлечен.

– Сударыня, я бы не хотел...

– Разумеется, но женщин из дома Ноймаринен учат лечить раны, а значит, когда без этого не обойтись, причинять боль. Сейчас ты думаешь о своей потере, а должен думать о последнем материнском желании, о долге перед всеми погибшими, о Талиге, в конце концов! Я слышала, твоя покойная возлюбленная была не только красива, но и порядочна, и разумна. Она бы сказала то же, что и мы с Арлиной... Мне следовало бы заpastись вином, только скоро обед, и Рудольф не преминет подать вашу вечную касеру.

– Спасибо, сударыня, я прекрасно обхожусь без вина.

– Похвально, но порой оно рушит преграды, а я хочу, чтобы мы стали друзьями. Что такое?

– Мама, прости. – Раздавшийся за спиной женский голос был негромким и мелодичным. – Я думала, ты одна, я сейчас уйду.

– Ну нет! – Георгия улыбнулась. – Войди и поздоровайся с кузеном Катарины, ты должна его немного помнить. Моя

старшая дочь Урфрида. Недавно тоже осталась одна, и тоже не по своей вине.

– Сударыня, – Робер с готовностью вскочил, прерывая малопонятный невеселый разговор. – Примите мои соболезнования.

– Вы неверно поняли маму, – довольно красивая дама в багряном атласе чуть заметно улыбнулась. – Мне следует принести поздравления, но с толикой скорби. Как генералу, выигравшему битву с серьезными потерями, однако мы в неравном положении. Я о вас слышала много и хорошо, а вы в лучшем случае помните, что я существую.

– Сударыня...

– Фрида... Урфрида знает, что говорит. Вы ее встречали, если встречали, в том возрасте, когда молодые люди заглядываются на зрелых красавиц.

– Я не заглядывался, – запротестовал Эпинэ, понял, что ляпнул неопишемую чушь и быстро пояснил: – В юности меня привлекали лишь лошади и война.

– Такое соперничество не унижает, – улыбка Урфриды стала чуть заметнее. – Женщины севера признают за мужчинами право на войну и на то, что для нее требуется. Вы ведь друг Эрвина?

– Да, – подтвердил Иноходец, пытаясь понять, что же в этой Урфриде кажется знакомым. До боли, до непонятного и неистового желания вскочить и выбежать вон.

На аудиенцию Жермон явился вовремя, но у Рудольфа все еще был Алва. Ариго выслушал адъютантов и попросил бумагу и перо, однако написать Ирэне не удалось. Ожил колокольчик, хромой капитан исчез за дверью и тут же вышел, сообщив, что генерала Ариго просят войти.

– Ну, здравствуй, – Рудольф был на полпути между окном и дверью. – Удивил так удивил, но ничего не скажу – молодчина!

– Я? – растерялся Жермон. – Боем командовал Эмиль, я только...

– Женился, – подсказал от стола Ворон. – Герцог удивлен именно этим. Маршалство он воспринял с полным пониманием.

– Именно, – фыркнул Ноймаринен. – Счастлив?

– Неимоверно, – опять вмешался Алва и поднялся. – Мне хочется пристойного шадди, а единственное место, где его можно получить, это ставка графини Савиньяк.

– Фарнэби тоже здесь. С поварами и брадобреями.

– Шадди не только морисский орех с водой, но и разговор. Ариго!

– Да?

– Засвидетельствуйте мое почтение дамам, от которых я сбегаю.

– И Леоне? – добродушно усмехнулся Рудольф, поворачивая к окну.

– Леоне не надо. Кэналлийский я вспомню завтра.

Регент Талига толкнул явно пустую кружку из-под глинтвейна к упрятанному под грелкой-гусыней кувшину и быстро вышел. Стукнула дверь, закачался шнур звонка.

– Будто приснился. – Ноймаринен задумчиво потер спину. – Не хотелось бы просыпаться, уж больно сон хорош. Так счастлив ты или нет? Изволь сам сказать.

В ответ Жермон лишь блаженно улыбнулся. Задремавшее на время сражения и отступившее у гроба Вольфганга счастье расправило сразу и крылья, и хвост; умей Ариго петь, он бы запел. О серебряных глазах и прячущем сокровище омуте.

– Вот и отлично! – Рудольф все прекрасно понял. – Должно же кому-то и в любви везти, а тебе жизнь неплохо так задолжала, пора и отдавать. Жаль, с перевязью Алва поторопился, лучше бы ее при всех на тебя король надел.

– Король? – не понял новоявленный маршал. – Как? Откуда?

– Из Ноймара. Никуда не денешься, Талигом правит малыш, которого пасти и пасти. И еще больше никуда не денешься, его надо показывать подданным. День рождения короля – неплохой повод для первого после заварухи большого приема, но главное – возвращение Рокэ, а то особо недоверчивые про него чего только не навывдумывали. Вы ведь

прежде почти не сталкивались?

– Нет, – начал Жермон и понял, что ведет себя как чужой, и Рудольф это вот-вот заметит. Пить не хотелось, но Ариго быстро взял с подноса чистую кружку. – Я и Савиньяков с юности не встречал.

Беловолосые мальчишки выросли в маршалов и вернулись в жизнь торского генерала чем-то очень важным, особенно Лионель. Как он сумел понять? *«Желаю вам счастья, графиня, причем немедленно»* ... Кольцо с фамильным рубином исчезает в воде, маршал продолжает говорить о старых бедах, и те разжимают когти.

«Я уже пожелал графине счастья, что равноценно решению на брак. Ближайшего епископа я, само собой, уведомлю, и да минует вас Шар Судеб, должен же он кого-то миновать!» Разумеется, Савиньяк сам повел корпус на Заля не ради них с Ирэной, но Жермон не сомневался: Лионель, уходя, вспомнил и об этом... Маршал вернется с победой, никаких сомнений в этом нет и быть не может, но беды в самом деле лучше жечь, как это по осени делают мараги.

– ...родственник-то тебе как? Я про Эпинэ.

– Мы поладили, – с трудом вырвался из навязчивых грез Ариго. – Наверное, из-за сражения, там не до выяснений было.

А ведь останься командующий в строю, они бы с Робером неделями кружили друг вокруг друга, не представляя, о чем можно говорить, а о чем – нет. Спасибо бесноватым, потес-

нившим и Ирэну с ее первой любовью, и королеву, которая стала Эпинэ настоящей сестрой.

– Вот бы мне тоже поладить, – Рудольф потер поясницу. – Хоть ты на семейном обеде посидишь, раз уж Рокэ удрал.

– Спасибо.

– Не за что благодарить! Мы, чтоб ты уразумел, теперь не просто маршалы, старый да пара молодых. Мы – августейшая фамилия, и быть нам таковой еще лет двадцать, не меньше. Я так и помру, а вы, может, еще и освободитесь. Перевязью Рокэ тебя уже осчастливил, но ты еще и член регентского совета. Как брат Катарины.

– Но ведь моя... мать...

– *Этоты* знаешь, причем зря. Когда на башке плешь, надевают шляпу. Когда страна дыбом, изображают, что все прекрасно. У нас есть законный король, наследный принц и пара принцесс, но детям нужна взрослая родня. Сильная и дружная. Так вышло, что Карл с сестрами у нас, а Октавий на юге, где и останется. Чтобы не исполнить последнюю волю матери, любой, надо быть либо подонком, либо регентом. Спасибо, нас с Алвой участь подонков миновала: Талиг слишком многим обязан королеве, чтобы нарушать ее последнюю волю. Катарина оставила сына на Эпинэ, в котором, судя по всему, нашла брата, значит, и нам придется разглядеть в Иноходце родню. Эрвину это удалось, а тебе?

– Кажется, да. – Но что будет, когда Ирэна все же встретит свою первую любовь? Ничего, или прошлое попробует взять

свое? – Робер вам понравится... Моя... жена считает, что мы похожи.

– Немудрено, вы же кузены, причем без подделки! Ладно, давай выпьем для храбрости и пойдем обедать. Георгия взялась объяснить Эпинэ, что здесь его не съедят, будем надеяться, у нее получилось.

3

Больше всего Роберу не хватало Валме. С виконтом за плечом или хотя бы с Готти под столом он чувствовал бы себя уверенней. Хозяйкам тоже было непросто, особенно Урфриде, которая отчего-то не уходила. Молодая русоволосая дама в жемчугах смотрела то на нетронутое яблоко, то на серебряный ножик, иногда поднимая равнодушные серо-зеленые глаза. Иноходец не знал, как она осталась одна, но потеря всегда потеря.

– Я выросла на севере, – рука без браслета тронула ножик, – но так и не привыкла к метелям. Когда вместо земли и неба серая муть, становится страшно, особенно если смотреть из окна.

Георгия промолчала, комнату заполонила неприятная тишина, потом тоненько звякнуло, встречаясь со стеклом, серебро.

– Мне приходилось пережидать торские метели, – не выдержал молчания Эпинэ. – Это не так уж и трудно.

– Мужчинам на войне не страшно, это мы боимся, – задумчиво произнесла герцогиня. – Когда счастливы, боимся за свое счастье; когда счастье уходит, мы принимаемся бояться будущего или прошлого.

– Прошлое исчезает, – Урфрида все же взяла яблоко, – не сразу, но исчезает. Иногда это хорошо, чаще – больно... Мне не нравится забывать, а вам, герцог?

– У меня забывать не получается, но впереди всегда что-то есть, в том числе и хорошее.

– Вам сейчас трудно? – сестра Эрвина поднялась. – Трудно и непонятно? Мама, извинись перед герцогом за меня. Обед уже совсем скоро, я должна поправить прическу.

Она исчезла так же неожиданно, как и появилась, оставив нетронутое яблоко и смешанное с облегчением недоумение. Герцогиня устало вздохнула.

– Возвращайся ты в армию, я бы ничего не сказала, но завтра вам с Урфридой сперва придется сопровождать Октавию, а потом идти четвертой парой в Кальтарине.

– Не надо, – растерялся Иноходец, – то есть... Я не готов, и тут столько... достойных. Алва... Валме...

– Алва, как регент, пойдет в первой паре с хозяйкой, то есть со мной, Рудольф составит пару графине Савиньяк, третьими будут дядя короля по матери граф Ариго с моей невесткой. Ты, как опекун принца Октавия и кузен покойной королевы, – четвертый, тебе требуется дама, а Фрида – кузина Карла. Более близких родичей у детей Катарины Ариго

нет, собственно говоря, их вообще нет.

– А... Я забыл фигуры, может быть, Придд? Он помнит все, и он теперь тоже родственник. Через Ирэну, то есть графиню Ариго.

– Фигуры ты вспомнишь, тело всё запоминает раз и навсегда, особенно в детстве. Степень близости герцога Придда к Олларам несопоставима с вашей, причем во всех смыслах. Этикет жестче устава, тот порой удаётся отбросить.

– Понимаю, – ненавистное слово как нельзя лучше отражало мерзкое положение. – Я попробую.

– Урффрида – хорошая партнерша, она сумеет тебе помочь, а вот передо мной стоит отвратительный выбор. Предоставить действовать сплетницам, попросить о помощи Арлину или же рассказать самой.

– Сударыня, поверьте, я ничего, то есть ни о чем не...

– Завтра тебе всяко придется бродить по залам. Тебя будут останавливать, заговаривать, приглашать, кто-то неминуемо расскажет и о скандале в нашем семействе.

– Я не люблю сплетен.

– Ты не любишь, но другие без них не могут жить. Если ты не станешь слушать, решат, что ты знаешь что-то непристойное, так что лучше тебе в самом деле знать. Все очень просто. Моя дочь оставила мужа, который предпочел ей любовницу. Урффрида терпела столько, сколько могла, но, когда супруг решил признать незаконного сына и объявить его своим наследником, не выдержала. Ты что-то хочешь спросить?

– Почему? – Ничего он не хочет спрашивать, ничегошеньки! – Маркграф еще не стар, у него еще могут быть... Может появиться законный наследник.

– Бергмарк живет дикарскими законами, – герцогиня оглянулась, Робер проследил за ней взглядом и увидел массивные бронзовые часы, – а пренебрежение супружескими обязанностями появлению законных наследников не способствует. Рудольф, мой муж, очень недоволен поступком Урффриды, но я свою дочь понимаю. Твоя кузина предпочла терпение, правда, мой брат ее хотя бы любил. Сойдись Фердинанд на глазах супруги с какой-нибудь Дженнифер, Катарина бы поступила, как Фрида. По крайней мере, я хочу в это верить.

Катарину нельзя было не полюбить, за что ей до сих пор мстят спасенные ею дряни! Сказать подобное об Урффриде Иноходец не мог, но Георгия Оллар ответа не ждала.

– Теперь ты знаешь правду, – герцогиня встала и расправила юбки. – Подай мне руку, нам пора. Имей в виду, мой супруг во время разговора бродит по комнате. Пока мы обедаем, он, разумеется, будет сидеть за столом, но потом женщины уйдут пить шадди, а вы останетесь. Поверь, к тебе Рудольф достаточно расположен, но в первый раз он может показаться суховатым и подозрительным. Мне, во всяком случае, показался... К счастью, я ошиблась. Мы прожили хорошую жизнь, и я надеюсь, что мои дети и дети моих подруг тоже найдут свое счастье. Рано или поздно.

Герцогиня была вежлива, но беспокоили ее собственные дочь и сын, разумеется, если Эрвин был с матерью хоть сколько-нибудь откровенен. Робер подал собеседнице руку, и они чинно дошли до просторной столовой, на пороге которой высился седой сутуловатый великан. Бывший регент и бывший Первый маршал Талига.

– Рудольф, – герцогиня сжала локоть Робера. – Это сын Жозефины, но главное не это. Я полностью согласна с Эрвином, и вы знаете в чем.

Ноймаринен шагнул вперед:

– Моя супруга решила начать с откровенности, – объявил он, – так тому и быть. Я устал от споров на ваш счет и сдаюсь. Вас занесло к мятежникам не по вашей воле, но теперь все в порядке, вы там, где нужно, и с теми, с кем нужно. Остаься я регентом, я бы дал вам Охоту, а маршальская перевязь и так ваша. Прошу к столу, и не пытайтесь вставать, если встану я.

– Я предупредила Робера, – заверила герцогиня. Вот о чем она не сказала, так это о встрече с прошлым, а оно неслышно вошло в мрачноватую столовую и взглянуло в упор черными кэналлийскими глазами. Глазами Леоны Салина.

4

Белые зимние гвоздички на полу казались сугробом. Цветы Росио добыть-таки умудрился, но вот осталось ли что-то для королевских торжеств?

– Прекрасно выглядишь, – прижать к груди чужого сына тянуло страшно, но Арлетта все же осталась сидеть. – Я больше тебя не боюсь и могу не следить за лицом. У меня есть шадди, а в Старой Придде, похоже, есть шпионы. Одно письмо, по крайней мере, пропало. Не мое.

– Чье же? – полюбопытствовал угодивший в регенты Ветер, усаживаясь напротив. – И кому оно может навредить?

– Трудно сказать... Влюбленная в тебя девица, которую ревнует к Ли уже незамужняя дама, поведала матери о былых бедах своей еще не известной тебе подруги.

– Старая Придда превратила вас в Рафиано.

– Боюсь, недостаточно. Твоя победа отогревает слишком много змей.

– Вам надо продержаться с месяц, не больше, потом подспеют ежаны, но победу Талигу принес Эмиль. Я командовал дриксами, вышло забавно... Вы были правы, Фельсенбург похож на меня.

– Несомненно, но я тебе этого не говорила.

– Фельсенбургу показалось, что вы его узнали. Мало того, я тоже его узнал, вернее, себя. На Винной я должен был выглядеть так же, по крайней мере пока защищал девицу. Руперт защищал Бруно, правда, тот был в углу, и я поначалу не обратил на него внимания... Шадди – это прекрасно, но вам нужно вино.

– Мне?

– Вам, Арлетта, и немножко – мне. Я виноват перед вами,

а каяться перед выпившими женщинами удобней.

– Ты был бы виноват, если б пошел на поводу у Георгии и умер.

– Тогда я был бы скотиной. Так, по крайней мере, считает Валме.

– Куда ты его дел?

– Отпустил поохотиться. Первым был съеден Давенпорт, кого жуют сейчас – не скажу, дичи здесь хватает. Вино скоро отдышится, и вам станет легче.

– Мне стало легче, когда вернулся Эрвин. Ты не поторопился с его производством?

– Почему вас так занимает семейство Ноймаринен? Они что-то натворили?

– Нет... Пока нет, но я здесь живу. Георгия не верила в твою жизнь, Эрвин тебя увидел, Рудольф обрадовался, но усомнился в твоих решениях.

– Спасибо, он мне уже сказал.

– А ты?

– Я закусил удила. Арлетта, вы говорите об одних людях, а думаете о других. Не надо.

– Сейчас ты сделаешь мне большие глаза, как малышу, когда его цапнул пони... Ли очень любит братьев. Очень... Но он не бросится за ними, как за тобой.

– Что-то не так? – Арлетта не заметила, как он встал. И как сама встала, тоже не заметила.

– Так. – Сглотнуть и улыбнуться. Все живы, всеуже жи-

вы... Уже, не еще! – Этой зимой я и мой старший старший решили стать еще и союзниками. Я могу пригодиться, и я пригожусь, причем немедленно. Росию, мне пришли в голову странные мысли, странные для вас с Ли, но я сидела здесь в обществе Эрнани и мэтра Инголса. Хотя сперва нам придется поговорить о любви.

– Так в чем же дело? Я готов пить и слушать.

– Тогда я буду пить и рассказывать. Если я примусь плакать, ты тактично отвернешься.

– Я займусь гитарой.

– Сейчас я ее вынесу. Бертрам знает, что присылать и когда.

Дорога через четыре комнаты и назад была длинной, как память. После похорон, не сразу, а когда разъехалась соболезная свора, они пили втроем. Пили, говорили, один раз она даже засмеялась, с чего – уже и не вспомнить... Губы еще смеялись, когда из глаз полились слезы. Первые и почти последние. Ли вскочил и тут же сел, стало тихо, только окно царапала ветка.

«Подождите», – велела она и пошла через ставший огромным дом. Гитара спала на кресле в балконной столовой; когда ее взяли, струны тенькнули, будто стон подавили. Потом она шла назад, навеки одинокая женщина с гитарой, спускалась и поднималась по ступеням, к ее ногам испуганной кошкой жалась тень, остро пахло морисскими куреньями, не погребальными и не праздничными. Теми, которыми прово-

жают неприятных гостей.

– Ты помнишь, как я несла гитару? – На такие вопросы всегда отвечают. Подробно, завывая, расписывая свои сострадания. Рокэ молча подал уже готовый бокал и принял кэналлийское диво. Светло и нежно прозвенела задетая струна. Словно узнала...

– Не считай меня Италией, – слез не будет, не будет, и все! – я обосновываю свои выводы. Древние упорно повторяли в затопленных храмах один и тот же сюжет. Лестница и уходящая женщина, в чье лицо не заглянуть. Вы с Ли пошли со мной и видели ее – Оставленную, которой впредь жить одной. Мир не рухнул, остались мальчишки, цветы, чернила, вино... «Змеиная кровь»? Придд?

– Да. *«Забудь о смерти до смерти»?*

– Нет. *«Спой мне, путник, о ветрах далеких».*

Нарастающий струнный ропот, ночь и зима за стеклами, винная звезда в бокале... Рокэ вернулся, Ли тоже вернется.

Глава 4

Талиг. Старая Придда

1 год К.В. 7-й день Зимних Ветров

1

В том, что военная простота лучше светских изысков, Валме в очередной раз убедился, застегивая казавшиеся бесчисленными пуговицы. Черно-зеленый с серебром костюм наследника Валмонов был безупречен, однако перспектива целый вечер бродить среди корыстных разговорчивых людей не радовала совершенно.

– Я расстался с дворцами, – бормотал виконт, разглядывая в зеркале роскошного поджарого кавалера, *– и расстался давно,*

Мне по нраву сраженья, козлы и бревно...

В отношении бревна Валме бессовестно врал, но поэзия допускает и не такое, ведь для поэта главное не истина, но чувство!

*– Здесь гуляют ханжи и кишат интриганы,
Как же жаль, что в снегах не сыскать пауканов...*

– Марсель, – проворковало из-за портьеры, *– ты просто*

великолепен, разве что несколько удивляет прическа.

– Я перешел на прямые волосы, – отрезал виконт, – и это навсегда!

– Как скажешь, – рассеянно согласился разодетый в пух и прах дядюшка. – Нам пора. Печально, что неопределенность, в которой я бьюсь, затягивается, но придется ждать. У меня нет другого выхода, а рассчитывать я могу лишь на тебя.

– Зачем рассчитывать на меня, когда есть отвращающий Зло регент? – позволил себе удивиться Валме. – Прошу простить, мне предстоит объяснение.

Вопреки опасениям, внушить Котику, что хозяин не сбегает на прогулку, а отбывает по делу в неприятное, но совершенно при этом безопасное место, удалось сразу же. Волкодав, спокойно приняв смягчающий разлуку пряник, улегся на шкуре добытого не им волка и закрыл глаза. Марсель трепанул шикарный зимний загривок и кратко сообщил дядюшке, что готов.

– Ты не представляешь, как я рад твоему присутствию, – от избытка чувств Маркус чихнул. – Я тебе об этом уже говорил, но неопределенность способствует излипаниям, а положение мое остается неопределенным: регент так и не нашел для меня времени.

– Он его ни для кого не нашел, – утешил Валме. – Графиня Савиньяк не в счет, она для души.

– Арлетта нам с супругой, прости мне эту вольность, больше чем родственница, однако она загадочна, как и все Ра-

фиано. Ноймаринен не скрывает, что убеждал графиню поддержать Гогенлоэ и счел, что та согласилась. Пойми, я всю жизнь обходился без высоких должностей, я не искал их...

– Вы искали, – счел своим долгом уточнить Марсель, – галантных приключений.

– И находил, но бедный Фердинанд сделал меня геренцием. Мне пришлось соответствовать, кончилось трагично, хоть и закономерно, я вернулся домой и обнаружил, что со-седи...

– Дядя, я помню.

– Но понимаешь ли? После визита Савиньяков в Фарну мое положение заметно улучшилось, при этом я не собирался вновь окунаться в политику, и что же?! Алва подтверждает решение Фердинанда. Ноймаринену это не нравится, тем не менее он вызывает меня сюда, однако здесь уже обретается Гогенлоэ, который считает себя геренцием, ведь желания бедняги Фердинанда принимали в расчет только повара. Принять дела я не мог, поскольку меня уведомили, что у меня нет должного опыта. Парадокс! Гогенлоэ сидит в геренции, а я, будучи геренцием, не вправе туда даже войти.

Дядюшка умолк и теперь с кроткой скорбью взирал на племянника, он ждал ответной реплики, причем сочувственной. В ситуации, однако, имелась одна тонкость.

О том, что после известий о скором появлении Алвы Маркус прекратил все попытки проникнуть в оплот Гогенлоэ, виконту разболтал пьяненький Давенпорт. Марсель изяще-

ство хода оценил: умный человек не предоставит захватчику возможности достойно отступить.

– Безобразие, – поддержал хитрого родича Валме. – Но вы слишком рано сложили оружие.

– Ноймаринен совершенно недвусмысленно объяснил мне, что полагает отстранение Гогенлоэ ошибкой, а Арлетта... Арлетта нахваливает прислугу, которую я ей предоставил, и мне никак не понять, что это означает. Буфетчик – это только буфетчик, а камеристки – только камеристки; я не столь глуп, чтобы приставлять к матери Лионеля шпионов. Ты не хочешь возразить?

– Я хочу умилиться. Вы в первый раз в жизни напомнили мне матушку.

– Иными словами, я веду себя как назойливый слезливый дурак? – незамедлительно перешел к покаянию дядюшка. – Ты прав, но как же я устал от этой нелепицы!

– Сегодня вы отдохнете, – заверил Марсель, – и даже сможете потанцевать. Кого вы собираетесь пригласить?

– Все зависит от регента.

– Когда от регента что-то зависит, – поделился опытом Валме, – оно случается. Правда, своеобразно, но Рокэ вообще нетривиален. Лично я посоветовал бы вам графиню Креденьи, она вас не отвергнет, поскольку вы маркиз и очень удачно одеты. Сиреневый бархат вам положительно идет.

– Это будет моим концом!

– Это будет вашим триумфом! – Учить Маркуса проныр-

ливости было смешно, но вечер вообще обещал стать веселым. – Семейство Креденьи, к которому с недавних пор следует относить и рэя Кальперадо с матушкой и сестрой, способно на многое. Поверьте, их суммарная благодарность перевесит вражду поддельного геренция, а Гогенлоэ – поддельный. Дядюшка, утешая вас, я охрип, мне срочно нужен шадди, а вы отослали буфетчика графине Савиньяк.

– Я отослал младшего из братьев, чем остановил внутрисемейное соперничество, которое могло зайти далеко. Шадди сейчас будет, но...

– Вот видите, – перебил виконт, – вы куда лучше Гогенлоэ, который в корне неверно распорядился сестрами, из-за чего оказался в затруднительном положении. И хватит меня подгонять, если Гогенлоэ явится раньше и усядется на ваш стул, хуже будет ему, и только ему.

2

Мать еще одевалась, но Арно никуда не торопился: когда соберется, тогда соберется. Церемония, на которой виконту Сэ за неимением более серьезных Савиньяков предстояло красоваться в родовых цветах, не вдохновляла, зато новый буфетчик оказался истинным кладом.

– Вы из Валмона, – постановил Арно, допивая отличнейший, в пору Бертраму, шадди.

– Господин капитан ошибается, – клад с достоинством по-

клонился, – я служу в Фарнэби, хотя родился в Рафиано.

– Оно и видно, – обрадовался Арно, – север морисский орех не понимает.

– Подать закуски или господин капитан предпочитает горячее?

– Не знаю еще, – «господин капитан» в самом деле не знал. Именно сейчас есть не хотелось, но прием обещал затянуться до вечера, а у дворцовых столов не наешься. Вернее, наешься-то можно, но выглядеть это будет паршиво, да и удовольствия никакого.

– Госпожа графиня выбрала белое мясо с зимними грибами, запеченное под сыром.

– Вот и я выберу, – принял стратегическое решение виконт, и бужетчик с достоинством удалился.

– Постарайся наесться впрок, – немедленно посоветовала мать, как оказалось, все слышавшая. – Когда ешь, не обращаешь внимания на тех, кто жужжит над ухом, а жужжать будут. Потом твои равнодушие примут за вежливость и начнут истолковывать.

– Я и рывкнуть могу, – заверил виконт.

– Рывканье тоже истолкуют. В любом случае старайся понять, что тебе станут говорить, и запоминай собственные ответы.

– Валентин меня уже учил.

– Замечательно, – обрадовалась мать, – передай ему мою благодарность, мне бы не хотелось надоесть тебе еще до при-

ема, а поучающие родительницы умеют просто замечательно надоедать.

– А вот и нет, – прыснул Арно, – это Ли у нас надоедает!

– Значит, я не зря старалась. Пожалуй, не буду учить тебя пользоваться салфеткой и вообще ограничусь единственным наказом. Тебе, о сын мой, лучше держаться подальше от девиц на выданье. Танцев тебе не избежать, но приглашай исключительно замужних и просватанных. Кроме того, не поднимай оброненные платки и тем паче тех, кто, как выражается наследник Бертрама, шмякнется тебе под ноги. Меня как-то не тянет объяснять рвущимся породниться с нами умникам, что галантность не повод для женитьбы.

Отсмеяться помешало белое мясо, которое как раз дошло и ожидало совместного с грибами триумфа.

– В кабинет, – графиня сощурилась на цокавшие в углу часы, – на письменный стол. Прислуживать не надо.

Слуга не удивился, Арно – тоже. Разговор у письменного стола смогла бы подслушать разве что повисшая на карнизе кошка, да и то летом, когда окна открыты.

– Ты что-то хотела мне сказать? – как мог небрежно осведомился виконт, без напоминания бросив на алые фамильные штаны салфетку.

– Я хочу поесть, – мать тоже прикрыла шитые золотом юбки, – но если кому-то приятно думать, что я тебя сейчас наставляю, пусть его... Впрочем, одно дело у меня к тебе есть, прочти-ка письмо Сэц-Пуэна, хотя бы начало.

– Думаешь, наврал? – удивился виконт, принимаясь за восхитительное – дриksam так ни в жизнь не запечь! – жаркое. – Вряд ли, он парень честный.

– Несомненно, но твое мнение мне все равно нужно.

– А! – догадался начальник разведки особого корпуса. – Ты вычитала что-то новенькое про бесноватых?

– То, что я вычитала, пока останется тайной. Герард доволен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.